

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го М а я № 10. 1885 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ДУХОВЕНСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

I.

П И С Ь М О

Преосвященнаго Иннокентія, бывш. Епископа Камчатскаго, а впослѣдствіи Митрополита Московскаго, бывшему Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, графу Протасову (1845 г.) ¹⁾.

„Мысли мои совсѣмъ не новы“, — пишетъ преосвященный Иннокентій, — „и особенно для васъ; но такъ какъ мнѣ удалось отчасти приводить ихъ въ исполненіе самымъ дѣломъ, то вы хотя въ нихъ не встрѣтите ничего новаго и особеннаго, но, такъ сказать, можете повѣрить самую практику съ вашими мнѣніями. Мысли мои заключаются въ томъ, что мы, какъ пастыри, какъ учителя, какъ преемники Апостоловъ, непременно должны вполне соответствовать своему званію, т. е. мы должны учить. По нынѣшнимъ дѣйствіямъ нашимъ, мы почти ничто иное, какъ жрецы, какъ совершали таинства и обрядовъ. Конечно, есть изъ насъ и такіе, и особенно изъ святителей нашихъ, которые по истинѣ стоятъ названія пастырей и учителей. Но надобно сказать откровенно, что ученіе и поученія, которыя говорятъ съ ка-

¹⁾ Перепечатано по распоряженію Начальства.

оудры или печатаются, весьма немногимъ доступны: ихъ слышать и понимаютъ только тѣ, которые получили нѣкоторое образованіе. Но большая часть народа, но цѣлая масса народа—остается совершенно безъ всякаго ученія и назиданія. Если когда и читаются и говорятся поученія простому народу, то они или не могутъ понять ихъ, или вообще считаютъ ихъ такимъ же чтеніемъ, какъ чтеніе дьячковъ, (это я знаю по опыту)..... Но что же малолѣтныя? что же дѣти, которыхъ, надобно полагать, всегда вдвое противу взрослыхъ? Кто ихъ будетъ учить? Гдѣ они услышатъ наставленіе и назиданіе въ нравственности? Въ училищахъ? да будетъ позволено сказать откровенно, что при всѣхъ благихъ намѣреніяхъ и попеченіи нашего правительства, въ училищахъ (я разумю писшихъ) ученіе нравственности есть послѣдній предметъ; и если выходятъ изъ училища нравственнѣе, то, можно сказать навѣрное, что 8 изъ 10-ти такихъ получили основаніе нравственности въ домѣ родителей и преимущественно отъ матерей. Но...много ли изъ простаго народа имѣютъ случай быть въ училищахъ! Отъ кого же могутъ услышать наставленіе тѣ, которые не имѣютъ случая быть въ училищахъ? Отъ пастырей? да! Отъ нихъ-то бы и должны дѣти слышать и учиться, но у насъ нѣтъ этого святаго обычая,—впрочемъ, по причинамъ весьма уважительнымъ. Отъ родителей? Но только благочестивые и свѣдующіе родители могутъ учить и научить дѣтей своихъ. И—Боже мой! сколько у насъ въ народѣ такихъ, которые рѣшительно ничего не знаютъ и ни слова не слышали ни отъ кого! Въ дѣтствѣ ихъ не учили; въ возрастѣ они не хотѣли учиться; а потомъ имъ некогда было учиться. И что же таковыя могутъ передать своимъ дѣтямъ!

Итакъ, что же предпринять и дѣлать для того, чтобы поддерживать, распространять и укоренять благочестіе и

нравственность въ простомъ народѣ? Учить — и учить съ начала, съ основанія, т. е. начать учить дѣтей съ самаго малаго возраста, даже съ двухъ лѣтъ. Учить всѣхъ дѣтей простаго народа, вотъ мысль, которая давно меня занимаетъ и которую мнѣ отчасти удалось приводить въ исполненіе и даже, благодареніе Господу! видѣть отъ того нѣкоторые плоды. Мысль эта родилась во мнѣ еще въ Иркутскѣ, и я представлялъ ее тамошнему преосвященному Михаилу (въ видѣ проекта), который уважилъ ее и предписалъ всѣмъ градскимъ священникамъ поступать по моему проекту. Но никто изъ моихъ собратій не хотѣлъ исполнить это, — я ни въ комъ не нашелъ единомыслящихъ со мною и такихъ, которые бы поддержали меня и содѣйствовали мнѣ, — кромѣ одного моего діакона. Это чрезвычайно меня огорчало; но Господь наградила меня за то: онъ далъ мнѣ желаніе ѣхать въ Америку ¹⁾. Тогда, какъ я получилъ это желаніе, первая мысль моя была: „вотъ тамъ-то я уже буду дѣйствовать“

¹⁾ Считаю себя обязаннымъ всегда, вездѣ и предъ всѣми исповѣдывать, что желаніе ѣхать въ Америку было совершенно не мое; но Господь, по великой милости Своей ко мнѣ, далъ мнѣ его. Да позволено будетъ мнѣ рассказать кратъ ко объ этомъ. Когда, по просьбѣ Американской Компаніи, было предписано отъ Св. Синода Иркутскому преосвященному избрать священника на Уналашку и который бы самъ изъявилъ свое желаніе, тогда сдѣлана была повсемѣстная повѣстка, а потому спрашивали и меня; но я, такъ какъ и всѣ, отрекся. Послѣ того, нѣкто изъ соотечественниковъ нашихъ — Крюковъ, прожившій въ Уналашкѣ 40 лѣтъ, прибылъ въ Иркутскъ и, остановясь въ моемъ приходѣ, познакомился со мною очень коротко. Онъ много рассказывалъ мнѣ хорошаго о тамошнемъ краѣ и убѣждалъ меня ѣхать туда; но ничто и никакія выгоды не предъшляли меня, и даже (не помню навѣрное), можетъ быть, онъ мнѣ рассказывалъ и объ усердіи Алеутовъ къ Христіанской вѣрѣ. Но я былъ глухъ. Наконецъ этотъ же самый Крюковъ, будучи у преосвященнаго Михаила, гдѣ случилось и мнѣ быть, между прочимъ, сказалъ слѣдующія слова: „Ахъ Ваше Пр! Вы не повѣрите, какъ Алеуты усердны къ вѣрѣ. Несмотря ни на что, — ни на морозъ, ни на снѣгъ, они съ охотою и усердіемъ идутъ къ заутрени въ часовню, которая построена изъ досокъ и не имѣетъ печки; и стоять иногда даже и босые, не перестукая съ ноги на ногу, и до тѣхъ поръ, пока читаютъ заутреню“ . Эти самыя слова, какъ стрѣлою, узвели мое сердце, и я загорѣлъ желаніемъ ѣхать въ Америку. И благодарю Господа и молю Его, дабы Онъ сподобилъ еще ѣхать туда и далъ мнѣ силъ послужить Ему въ пренедобіи и правдѣ во вся дни живота моего!

одинъ и буду учить, когда и какъ хочу"! И благодарю моего Бога, — я, сколько могъ, исполнялъ это во все мое пребываніе въ Америкѣ. И не только не находилъ никакого препятствія, или невозможности, или неудобства, но напротивъ того, всякій содѣйствовалъ мнѣ и всѣ принимали съ благодарностію. И если Алеуты любили и любятъ меня, то единственно за то, что я ихъ училъ.

Учить!... Прекрасная и извѣстная мысль; но возможно-ли привести это во всеобщее исполненіе! Въ уѣздныхъ городахъ, большихъ селеніяхъ и достаточныхъ приходахъ всегда возможно; въ однихъ только бѣдныхъ селахъ это невозможно: потому что время, которое нужно на это занятіе, священникъ принужденъ употреблять на сельскія работы. Но какъ слышно, что уже Высочайше повелѣно найти мѣры и средства къ обезпеченію сельскаго духовенства. И когда послѣдуетъ это, т. е., что сельскіе священники могутъ удѣлять время для ученія. — то тогда рѣшительно вездѣ возможно будетъ учить.

1) Кого учить? Учиться слову Божію могутъ и должны всѣ и каждый, сообразно своему возрасту, своему воспитанію, своему образованію и своимъ способностямъ. Но здѣсь я разумю однихъ малолѣтнихъ всякаго возраста, начиная даже отъ 2 лѣтъ до 16 и 18, и дѣтей обоюго пола, но преимущественно дѣвушекъ, какъ будущихъ матерей: а извѣстно, что никто не можетъ научить лучше нравственности, какъ мать, и у благочестивой матери, можно сказать, всегда дѣти будутъ нравственны.

2) Чему учить? Благочестію. Но по различію возрастовъ, какіе, я полагаю, должны быть и различные предметы ученія; или лучше сказать: предметъ ученія надобно раздѣлить на различныя степени. Отъ 2-хъ до 5 — лѣтъ пусть, наприм., составлять первый разрядъ; отъ 5 до 12 — второй, отъ 12 и

дальше — третій. Конечно, нетрудно найти, чему и какъ учить дѣтей третьяго и втораго разряда; но чему учить первыхъ?

Молитвѣ. Цѣль воспитанія и просвѣщенія простаго класса людей должна быть единственно та, чтобы они были хорошіе христіане, хорошіе граждане, хорошіе супруги, хорошіе отцы семействъ, хорошіе хозяева, хорошіе члены общества и вѣрные сыны отечества, и преданные своему государю, какъ истинно отцу отечества. Но всѣ сии обязанности соединяются и имѣютъ свой зародышъ въ молитвѣ, — и именно въ той самой молитвѣ, которой можно учить младенцовъ. Изложить этотъ предметъ пространнѣе здѣсь не мѣсто, и потому мы скажемъ здѣсь кратко. Всѣ вышеозначенныя обязанности можно раздѣлить на два вида. Однѣ основаны прямо на благочестіи, а другія на дѣятельности. А тѣ и другія составляютъ общее понятіе обязанностей, и корень и начало свое имѣютъ въ молитвѣ: потому что 1-е) молитвою и непремѣннымъ исполненіемъ молитвы въ назначенное время дѣтямъ внушается, что они не животныя (вольныя), но чѣмъ-то обязаны; 2-е) что есть Кто-то, Кому они должны кланяться и кланяться иначе, нежели людямъ; 3-е) такъ какъ молитва младенцовъ есть ничто иное, какъ механическое дѣйствіе, то таковая молитва болѣе или менѣе развиваетъ способность къ дѣятельности и приучаетъ дѣтей къ терпѣнію; а безъ терпѣнія нельзя быть ни дѣятельнымъ, ни благочестивымъ; и 4-е) дитя, чистою и непремѣнною молитвою, современемъ можетъ получить привычку молиться; а великое дѣло — имѣть таковую привычку. Дальнѣйшее ученіе дѣтей благочестію и дѣятельности, очевидно, должно состоять въ развитіи понятія обязанностей и въ приученіи ихъ къ прямому трудолюбію разнаго рода. Съ 12-лѣтняго возраста надобно иногда дѣтей раздѣлять по полу, и каждый полъ учить своимъ обязан-

ностямъ. Быть христіаниномъ и быть полезнымъ обществу— должно быть общимъ и всегдашнимъ предметомъ и экстрактомъ всякаго ученія и всякой бесѣды. Современемъ же, кажется, очень возможно будетъ учить дѣтей и чтенію, по легчайшей методѣ, и по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя пожелаютъ и болѣе способны, но таковое долженъ быть второстепеннымъ, а не первымъ и главнымъ. *Мнѣнія и вѣзрѣш*

3) Какъ учить?— Это есть одно изъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ. Школьная метода, т. е. учить наизусть катихизисъ и проч., будетъ не совсѣмъ полезна, потому что очень мало найдется изъ дѣтей такихъ, которыя будутъ умѣть читать; а учить ихъ диктовкою очень трудно, и диктовкою можно заставитьъ выучить только то, что необходимо знать. Самый лучший и простой способъ ученія есть обыкновенный рассказъ или простая бесѣда. Конечно, и здѣсь надобна своя метода и свой планъ единства, потому что различныя способности и различное образованіе учащихся, и различный образъ мыслей и различное ихъ усердіе къ дѣлу могутъ имѣть весьма различный успѣхъ и различное вліяніе на ученіе дѣтей и просвѣщеніе народа. *по умой от*

Но за методою или способомъ ученія дѣло не останется. Первоисточатели наши дадутъ намъ руководства. Но такъ какъ опытность нигдѣ не можетъ быть пренебрежена, и для того, чтобы, такъ сказать, болѣе развязать языкъ тѣхъ изъ учащихся, которые не знаютъ, что и какъ говорить съ дѣтьми, и для соблюденія единства ученія, можно предписать всѣмъ законоучителямъ и священнослужителямъ, чтобы они написали свои мнѣнія о способѣ преподаванія и составили бы образчики самыхъ бесѣдъ—или въ видѣ разговоровъ, или въ вопросахъ и отвѣтахъ и проч.—и представили бы ихъ своимъ архіереямъ; а тѣ, выбравъ изъ нихъ дѣльныя, представлять ихъ Св. Синоду. Если дають преміи за рѣше-

ніе и географическихъ задачъ, то весьма будетъ полезно предоставить и каждому архіерею выдать нѣсколько премій тѣмъ, чьи мнѣнія и бесѣды окажутся лучшими изъ ихъ епархіи; а лучшіе изъ всѣхъ, безъ сомнѣнія, будутъ уважены по достоинству.

4) Гдѣ мѣсто для ученія?—Для этого совсѣмъ не надобно строить и заводить особенные дома. Та же церковь, гдѣ совершаются таинства и молитвы, можетъ быть и мѣстомъ ученія благочестію. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ придется только позаботиться, чтобы церкви были зимою не холодны, и еще сдѣлать нѣсколько скамей, на которыхъ будутъ сидѣть дѣти; а болѣе этого ничего не нужно. Конечно, здѣсь встрѣтится главное неудобство въ томъ, что такъ какъ у насъ церкви находятся не въ каждомъ селеніи, то гдѣ и какъ учить дѣтей тѣхъ селеній, гдѣ нѣтъ церквей?—Но можно сказать утвердительно, что во всякомъ селеніи найдутся нѣсколько такихъ благочестивыхъ и благонамѣренныхъ хозяевъ, которые позволяютъ по временамъ собираться дѣтямъ въ ихъ домахъ.

5) Кто учителя?—Священнослужители и даже причетники. Учить народъ есть существенная обязанность первыхъ, а послѣдніе всегда должны быть ихъ помощниками. Учить народъ—это одно только можетъ поставить простое духовенство на ту степень общества и уваженія, на которыхъ они должны быть по своему сану. Это сдѣлаетъ священникъ въ точномъ смыслѣ отцами своихъ прихожанъ. И это есть вѣрный способъ улучшенія благосостоянія духовенства. Боже мой! что можетъ быть приличнѣе, святѣе и восхитительнѣе, какъ видѣть пастыря, бесѣдующаго съ дѣтьми и поучающаго ихъ! Что можетъ быть восхитительнѣе для пастыря, какъ видѣть цѣлое поколѣніе, воспитанное его словомъ! Тогда, точно, онъ есть пастырь, котораго голосъ зна-

ють овцы его, и пастырь, который знает овецъ своихъ и котораго знаютъ овцы его. И кто изъ прихожанъ его не будетъ уважать его тогда, и уважать точно, какъ отца и друга? И кто откажется сдѣлать ему пособіе, въ случаѣ нужды?... Чему же будутъ учить дьячки? первоначальной молитвѣ и диктовать уроки. Это—дѣло для нихъ не трудное и всякому изъ нихъ по силамъ.

6) Когда учить?—Самое лучшее время для ученія есть праздники и именно часъ до обѣдни (какъ дѣлалъ и я). Конечно, можно бы опредѣлить времени и побольше, но на первый разъ и этого довольно. Положимъ, что каждому дитяти удастся быть на такомъ ученіи и 50 разъ въ годъ, то этотъ курсъ почти будетъ равняться обыкновенному училищному.

7) Какія средства къ тому?—Почти никакихъ, потому что здѣсь не надобно ни книгъ, ни бумага, ни надзирателей, ни прислуги, ни пищи, ни одежды; только, можетъ быть, нужна будетъ небольшая сумма на поощреніе и награды лучшимъ ученикамъ картинками или книжками. Впрочемъ, для улучшенія таковыхъ церковныхъ, или лучше сказать, нравственныхъ училищъ, не можно-ли будетъ современемъ употребить и самыя средства и пособія, которыя правительство даетъ на сельскія школы, и тѣмъ соединить ихъ въ одно? Раздача картинокъ можетъ быть сколько наградою и поощреніемъ, столько и способомъ къ наученію дѣтей; если таковыя картинки будутъ представлять чтонибудь изъ Св. Исторіи или какойнибудь подвигъ христіанскій и проч. Изданіе таковыхъ картинокъ будетъ дѣломъ особеннымъ и немаловажнымъ, и слѣдовательно потребуются издержки; но на таковое дѣло у насъ всегда найдутся люди, которые усердно помогутъ, если бы и нужно было прибѣгнуть къ такому средству.

8) Какъ заставитьъ учить?—Мы русскіе,—и потому, скажи Государь нашъ слово,—и тотчасъ явятся ревностные пастыри и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ можно узнать. Предоставить на совѣсть и волю каждаго приходскаго священника, конечно, была бы самая благороднѣйшая мѣра; но теперь она еще не для всѣхъ будетъ дѣйствительна. Учить паству есть первѣйшая обязанность пастыря; слѣдовательно, всякая побудительная къ тому мѣра будетъ законна и свята; и всякое взысканіе, и даже строгое, за неисполненіе этой обязанности, будетъ весьма справедливо. Здѣсь особенно будетъ у мѣста и полезенъ надзоръ благочинныхъ, кѣоторые нынѣ ничто иное, какъ духовные полицмейстеры; а тогда они, въ точномъ смыслѣ, будутъ попечителями церквей, окомъ архипастыря и проч. Награды, которыхъ нынѣ удостоивается бѣлое духовенство, могутъ быть присвоены преимущественно учащимъ. Жалованье было бы самою справедливою мѣрою къ тому.—Но возможно-ли это? Слухи носятя, что сельскимъ священникамъ будетъ положено жалованье. Этотъ случай, кажется, весьма кстати употребить мѣрою и средствомъ къ тому, назначивъ часть жалованья, или все, именно за ученіе дѣтей нравственности.

9) Какъ заставитьъ учиться?—Для сего не нужно прибѣгать къ понудительнымъ мѣрамъ, потому что и теперь есть помѣщики, которые усердно желаютъ того, чтобы у насъ ввелся такой обычай, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ мнѣ сказывали, даже убѣдили своихъ священниковъ заняться этимъ и даютъ имъ за то жалованье. И кажется, нельзя предполагать, чтобы изъ нихъ явился такой, который бы воспрещалъ своимъ крестьянамъ посылать дѣтей своихъ въ церковь въ назначенный часъ. А что касается до самихъ крестьянъ, то стоитъ только объяснить имъ цѣль и важность таковыхъ учреждений, и большая часть изъ нихъ приметъ съ благо-

дарностию, и, навѣрное, никто не откажется посылать дѣтей своихъ; особливо, если это будетъ сдѣлано именемъ вѣры и самими священниками или благочинными. Въ русскомъ народѣ есть столько добрыхъ качествъ и столько прекрасныхъ элементовъ, что изъ него можно сдѣлать, по истинѣ, первый народъ, а въ уваженіи къ религіи едва ли кто и теперь срявняется съ нимъ. Простой народъ очень любитъ слушать бесѣды о божествѣ (какъ они говорятъ); и потому можно быть увѣрену, что къ слушанію бесѣдъ дѣтскихъ будутъ приходять и взрослые, и особливо старушки и старики.

10) Какія можно встрѣтить препятствія?—Если на этотъ предметъ обращать вниманіе и понимать его, какъ государственное дѣло, и такое, которое касается спасенія душъ и которое прямо способствуетъ просвѣщенію народа и, слѣдовательно, ведетъ къ прочному и истинному благу Отечества,—то едва ли можно встрѣтить какія либо препятствія, или какихъ препятствій невозможно устранить! Но если смотрѣть на это, какъ просто на полезное дѣло, то и тогда не много будетъ препятствій. Главное препятствіе или затрудненіе будетъ со стороны самого духовенства, которое испыталъ и я. Бесѣдовать съ дѣтьми хотя и не надобно большой учености и краснорѣчія, но надобно умѣть, что говорить и какъ говорить. Въ школьномъ преподаваніи это облегчается книжками и другими руководствами. Но бесѣдовать съ дѣтьми или учить дѣтей публично, и особливо въ губернскомъ городѣ, и тому, кто, до поступленія къ должности учителя или наставника, почти не видалъ ни людей, ни свѣта,—и самаго способнѣйшаго изъ насъ поставить въ затрудненіе. Стыдъ, робость, ненадѣянность, новость, непривычка—все это смущаетъ и связываетъ до того, что едва можно сказать слово. Но это можно облегчить тѣмъ, если по методу, какаѣ дана намъ

будеть для руководства; будутъ составлены и самыя бѣсѣды, написанныя самимъ простымъ языкомъ и на каждый день; тогда всякій священникъ будетъ въ состояніи бесѣдовать и учить, потому что ему придется сказать отъ себя уже нѣсколько словъ. Всякая новость, которая требуетъ вниманія и дѣятельнаго исполненія, обыкновенно не всѣмъ бываетъ пріятна; такъ будетъ и здѣсь. Кто къ чему не имѣетъ собственнаго желанія и расположенія, тотъ всегда найдетъ отговорки; то же будетъ и здѣсь. И здѣсь будутъ представлять, напр., что священники не будутъ имѣть времени, что не всѣхъ прихожанъ можно будетъ убѣдить къ тому и проч. Но всѣ таковыя отговорки ничто иное, какъ только отговорки, а не причины. Конечно, для священниковъ бѣднѣйшихъ селеній, гдѣ они принуждены сами работать наравнѣ съ крестьянами, въ самомъ дѣлѣ мало времени для таковыхъ бесѣдъ; но усердіе и здѣсь найдетъ время и случай сказать нѣсколько словъ. Но что касается до другихъ священниковъ, то они всегда могутъ имѣть время, всегда могутъ удѣлить одну часть въ недѣлю, точно такъ же, какъ они имѣютъ время для отправленія обѣдни; и едва ли въ цѣлый годъ бываетъ такой случай, гдѣ священникъ принужденъ бываетъ оставить обѣдню для другихъ требъ. Главнѣйшая треба, которая можетъ отвлекать отъ ученія, есть напутствіе умирающаго; но если прихожане будутъ знать, что священникъ до обѣдни занятъ дѣломъ важнѣйшимъ, то безъ крайней нужды не будутъ его беспокоить въ этотъ часъ, такъ какъ они не беспокоятъ его во время обѣдни. Другія же требы, какъ-то: крещеніе, молебны и проч., рѣшительно могутъ быть отлагаемы до другого времени. Но положимъ, что и въ самомъ дѣлѣ могутъ встрѣтиться случаи, которые воспрепятствуютъ заняться ученіемъ; но за то много найдется дней, когда не встрѣтятся никакихъ препятствій. Болѣе дру-

гихъ уважительныя препятствія по времени года; т. е., можетъ быть, зимою, для нѣкоторыхъ дѣтей будетъ холодно ходить въ церковь, или церковь будетъ слишкомъ холодна и проч.; но съ марта или апрѣля по октябрь и даже ноябрь, т. е. въ теченіи почти 8 мѣсяцевъ, можетъ быть не менѣе 32-хъ бесѣдъ, и, слѣдовательно, 32 урока могутъ быть преподаны! Еще можно встрѣтить — не то, что препятствіе, но нѣкоторое противорѣчіе со стороны людскихъ мнѣній. Могутъ сказать, что гораздо полезнѣе, вмѣсто такихъ учреждений, завести вездѣ школы и учить дѣтей не одной нравственности, и гдѣ священники будутъ учить закону Божію. И тогда это будетъ гораздо полезнѣе для самихъ крестьянъ, нежели учить дѣтей только въ церкви, и особливо двухлѣтнихъ. Ибо, что они могутъ понять въ короткое время и въ такомъ возрастѣ? Даже скажутъ нѣкоторые: для чего учить дѣтей молитвѣ, когда они не могутъ понимать ни слова? будетъ время, придутъ въ возрастъ — и сами станутъ молиться. Такихъ возраженій можно встрѣтить множество. Но, ничуть не отвергая пользы и необходимости народныхъ школъ, можно только представить на видъ то, что общежитіе въ школахъ, при недостаточномъ надзорѣ, т. е. безъ дядекъ или гувернеровъ, для нравственности можетъ быть очень вредно, ибо отъ одного шалуна научаются и перенимаютъ прочіе. А собраніе дѣтей въ церковь въ назначенный часъ, гдѣ они не будутъ имѣть даже минуты свободной, не даетъ имъ времени даже ознакомиться другъ съ другомъ. И притомъ, учредить школы вездѣ и для всѣхъ дѣтей обоаго пола есть дѣло величайшее!

Наконецъ, будетъ-ли отъ этого польза? — Конечно, успѣхъ всякаго добраго дѣла зависитъ отъ Бога; но Господь всегда благословляетъ и споспѣшествуетъ всякому доброму дѣлу. Но что, если Господь благословитъ это? — то какіе и

сколько будетъ прекраснѣйшихъ плодовъ, даже чрезъ 15 лѣтъ! А чрезъ 20 лѣтъ нельзя будетъ узнать Россію. Исчислять пользу таковыхъ учрежденій, значить то же, что исчислять пользу истиннаго просвѣщенія; но умъ представимъ здѣсь нѣсколько и другихъ, такъ сказать, второстепенныхъ польвъ. а) Если всякая школа и всякое ученіе простой грамотѣ болѣе или менѣе способствуетъ къ просвещенію, то кольми наче ученіе, котораго цѣль будетъ прямо и исключительно нравственность и христіанство. б) Если и самая сухая наука развиваетъ понятіе дѣтей и научаетъ ихъ нѣсколько мыслить, то и ученіе благочестію, если и не болѣе, но отнюдь не менѣе будетъ способствовать тому во всякомъ случаѣ. в) Если предположить, что дитя въ теченіи года успѣетъ быть и при 30 бесѣдахъ и если изъ всего того, что онъ можетъ услышать и понять, останется у него въ головѣ и 10-я часть, а на сердце падеть и 100-я, то въ 10 или 12 лѣтъ у него наберется порядочный запасъ въ умѣ и сердцѣ. г) Слушаніе бесѣдъ можетъ принести, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что дѣти, пришедши въ возрастъ, будутъ имѣть нѣкоторый навыкъ и привычку слушать проповѣди и понимать ихъ болѣе, нежели тѣ, которыя съ дѣтства не слышали ничего и ни отъ кого; а особливо, если проповѣдь говорится или читается тѣмъ, кого они привыкли слышать съ дѣтства. е) Такое учрежденіе, болѣе или менѣе, но вѣрно будетъ дѣйствовать на самый корень зла общественнаго, и потому, болѣе или менѣе, но вѣрно уменьшить и преступленія. ф) Но въ народѣ, остающемся безъ нравственнаго ученія, такъ или иначе, но развратъ и нравственная грубость увеличиваются болѣе и болѣе, а съ ними и преступленія; и если кое-гдѣ и являются грамотѣ и кажется, что менѣе видѣнъ развратъ, но это не есть еще просвѣщеніе, а только утонченность; а грамотность безъ нравственности служитъ бо-

аѣ ко вреду, нежели къ пользѣ. Сверхъ всякихъ плодовъ и утѣховъ отъ таковыхъ учреждений можетъ быть еще и то, что таковымъ способомъ ученія прихожанъ можетъ болѣе и болѣе улучшаться и самая духовная сторона самихъ священниковъ. Это я говорю по опыту. До тѣхъ поръ, пока я не училъ, хотя и зналъ, что есть духовныя утѣшенія вѣры, но признаюсь, я зналъ ихъ только, такъ сказать, въ теоріи. И только тогда Господь благоволилъ мнѣ вкусить ихъ, когда я сталъ учить. И потому весьма справедливо говорится, что „уча учимся“.

Измѣреніе просвѣщенія народнаго числомъ грамотѣевъ, кажется, очень можетъ быть ошибочно: потому что грамотность безъ нравственности у простаго народа есть то же, что ножъ у своевольнаго ребенка. Кто, большею частію, причиною разныхъ возмущеній, бунтовъ, революцій, расколовъ? безнравственные грамотѣи. И слѣдовательно, кто опаснѣе для спокойствія отечества?— безнравственные грамотѣи. Многие думаютъ, что просвѣтить народъ и сдѣлать его нравственнымъ можно не иначе, какъ только грамотностію. И въ доказательство того указываютъ на Пруссію, гдѣ почти каждый селянинъ грамотенъ. Но тамъ грамотность не есть или, по крайней мѣрѣ, есть не столько причиною ихъ просвѣщенія, сколько слѣдствіемъ просвѣщенія, котораго основаніе находится въ ихъ обычаяхъ. Въ Парижѣ и около Парижа грамотныхъ не менѣе Пруссіи, но гдѣ болѣе разврата, возмущеній, переворотовъ, безпокойствъ? И отчего?— оттого, что у нихъ просвѣщаютъ одинъ только умъ. А сердце? а нравственность?— До нихъ никто и не дотрогивается.

Вотъ мои мысли, которыя лежатъ у меня на душѣ и которыя я хотѣлъ высказать вашему сіятельству. И прежде всего приношу мою благодарность за то, что вы выслушали

меня. Но справедливы ли мои мысли? Не знаю; но ежели я гдѣ и ошибаюсь, то это отъ недостатка ума и опытности, но отнюдь не отъ недостатка благонамѣренности и благожеланія пользы моимъ соотечественникамъ. И польза, какой я ожидаю отъ таковыхъ учреждений, не мечта-ли?... Но сладкая мечта, и пусть она меня не оставляетъ.

Высказавъ откровенно все, что я дулалъ объ этомъ предметѣ, не сдѣлалъ ли я оскорбленія или дерзости? Не знаю. И если и такъ, то это отнюдь не отъ продерзости или тщеславія и проч., но отъ полноты чувствъ моихъ и искреннѣйшаго желанія блага. И простите меня великодушно, и забудьте меня въ этомъ отношеніи, но и во всякомъ случаѣ скройте мое имя, если бы какая нибудь мысль и пригодна была бы къ дѣлу. Я не хочу ни награды, ни извѣстности... но что будетъ со мною, если бы Господь благоволилъ мнѣ видѣть это учрежденіе приведеннымъ въ дѣйствіе — и въ немъ и мою лепту! О, тогда я умру отъ радости, сладко умру!...

Жизнь и дѣятельность славянскихъ просвѣтителей, святыхъ братьевъ Кирилла и Меодія ¹⁾.

Свѣтло и радостно празднуетъ сегодняшній день вся Русская земля. Что же означаетъ это празднество, и зачѣмъ совершается торжественная служба по всѣмъ уголкамъ нашего обширнаго отечества? Затѣмъ и вы, благочестивые слушатели, собрались въ этомъ мѣстѣ?

Вся Русская земля и мы, находящіеся здѣсь, празднуемъ сегодняшній день потому, что въ этотъ день, ровно тысячу лѣтъ назадъ, умеръ св. Меодій, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ, св. Кирилломъ, составилъ славянскую азбуку, пе-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ семинарскомъ актовомъ залѣ 6 апрѣля 1885 г.

ревелъ на славянскій языкъ священныя и богослужебныя книги и научилъ многихъ славянъ христіанской вѣрѣ; въ нашихъ церквахъ и теперь поютъ и читаютъ такъ, какъ пѣли и читали св. братья 1000 лѣтъ назадъ, и до сихъ поръ церковныя книги печатаются тѣми же буквами, которыми они изобрѣли и которыми они писали. Значить, настоящее празднество имѣетъ для насъ, русскихъ, очень большое значеніе. Почтимъ же память великихъ апостоловъ славянства воспоминаніемъ главнѣйшихъ событій изъ ихъ жизни и указаніемъ на значеніе ихъ трудовъ для насъ, русскихъ, а равно и для славянъ, входящихъ въ составъ другихъ государствъ.

Жизнь Кирилла и Меѳодія представляетъ цѣлый рядъ дѣлъ, которыя ставятъ ихъ выше уровня людей обыкновенныхъ. Изъ братьевъ Меѳодій былъ старшимъ. О первоначальной жизни Меѳодія сохранилось мало опредѣленныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что самъ греческій императоръ Теофиль зналъ его и сдѣлалъ воеводою одной славянской земли. Но мірская слава не прельщала его, и задумался онъ: *„вотъ я заслужилъ себѣ у царя и честь и богатство, а какъ мнѣ у Бога заслужить себѣ спасеніе?“* Рѣшился онъ посвятить себя Богу и удалился на гору Олимпъ, гдѣ и принялъ монашество. Тамъ онъ велъ строгую подвижническую жизнь и, можно думать, въ тиши уединенія приготовлялся къ великой миссіонерской дѣятельности....

Въ то время, когда Меѳодій былъ воеводою, Кириллъ (въ мірѣ Константинъ) хотя былъ очень малъ, но обнаруживалъ необыкновенныя способности. Родители обратили особенное вниманіе на его образованіе: учили Кирилла сначала грамотѣ, а затѣмъ и другимъ наукамъ. Изъ среды другихъ дѣтей онъ выдавался необыкновенными способностями и усердіемъ. Все, чему учили его, онъ усваивалъ необыкновенно.

венно скоро и хорошо. По окончаніи же ученія, въ то время, какъ другія дѣти преобладали играмъ, св. Кирилль становился на молитву или же читалъ священныя книги. Онъ особенно полюбилъ творенія Григорія Богослова, много вдумывался въ его мысли и весь проникся сознаниемъ величія произведеній этого величайшаго изъ христіанскихъ богослововъ. Правда, многое въ твореніяхъ Богослова не было доступно молодому Кириллу, но на сколько онъ занятъ былъ имъ, свидѣтельствуєтъ преданіе, что въ своей комнатѣ, подъ изображеніемъ креста, Кирилль написалъ слѣдующія слова: „Григорій, ты человекъ тѣломъ, а душою ангелъ. Твои уста какъ серафимскія: Бога прославляютъ и всю вселенную просвѣщаютъ. Прими меня, принадлежащаго къ тебѣ вѣрою и любовію, и будь моимъ просвѣтителемъ и учителемъ“.

Дальнѣйшее образованіе св. Кирилла совершилось подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ. Именно: преемникомъ императора Теофила сдѣлался сынъ его, малолѣтній Михаилъ. Къ нему было приставлено три боярина, въ качествѣ опекуновъ. Одинъ изъ этихъ опекуновъ, Теокистъ, былъ знакомъ съ отцомъ Кирилла и Меодія, а равно и съ его дѣтьми. Желая доставить юному императору лучшія средства для развитія въ лицѣ благородныхъ, способныхъ и умныхъ сверстниковъ, а равно наслышавшись о способностяхъ и прилежаніи Кирилла, Теокистъ вызвалъ его въ Константинополь къ императорскому двору. Началось совмѣстное обученіе Кирилла и императора. Судьба дала имъ въ учителя лицъ высокообразованныхъ и всесторонне развитыхъ, именно: Льва, главнаго начальника *высшей* школы въ Константинополь, прозваннаго философомъ и Фотія, впоследствии патріарха Константинопольскаго. Наученъ былъ здѣсь Кирилль многими наукамъ: грамматикѣ, геометріи, діалектикѣ, риторикѣ, ариметикѣ, астрономіи, *музикѣ*, познако-

мился здѣсь же онъ съ греческой поэзіей и философіей, но при всѣхъ своихъ знаніяхъ онъ отличался кротостію. На сколько знали его всѣ окружающіе и цѣнили его умъ и другія душевныя качества, свидѣтельствуетъ названіе „философа“, данное ему, и особенная любовь, которую обнаруживали къ нему всѣ, окружавшіе его. Кирилль сдѣлался виднымъ лицомъ при дворѣ императора и главнымъ распорядителемъ въ домѣ логовѣта Θεоктиста, который хотѣлъ женить его на своей крестницѣ, обѣщая ему княжеское достоинство и званіе стратега. Но внутреннее настроеніе Кирилла опредѣлилось на столько, что его не соблазнило высокое и почетное мѣсто. Онъ принялъ санъ священника и сдѣлался библиотекаремъ при главной софійской библиотекѣ. Эти занятія также не удовлетворили натуры Кирилла, желавшаго сосредоточиться на изученіи самаго себя и самообразованіи. Тайно онъ уходитъ изъ Константинополя въ одинъ изъ монастырей—на Босфорѣ. По приказанію императора чрезъ полъ—года его отыскали тамъ, но онъ отказался отъ прежней должности, а согласился только сдѣлаться учителемъ философіи. Сталъ юный философъ учить окружавшихъ его различнымъ наукамъ, и успѣшно пошло его дѣло: къ нему шли старые и малые; радовался Кирилль, видя успѣхи своего ученія, благодарилъ Бога за дарованную ему отъ Бога милость. Должность философа (или публичная должность при дворѣ, такъ какъ въ то время философы причислялись къ придворнымъ чиновникамъ) была больше по душѣ Кириллу, она болѣе соотвѣтствовала его внутреннему стремленію. Съ этого времени и начинается миссіонерская дѣятельность Кирилла, въ которой скоро принялъ участіе и св. Меодій.

Изъ первыхъ миссіонерскихъ трудовъ св. Кирилла заслуживаетъ вниманія его споръ съ бывшимъ патриархомъ Ан-

ніемъ (Іоанномъ), свергнутымъ съ патриаршаго престола за иконоборство. По порученію императора и патриарха, Кирилль вступилъ съ нимъ въ публичный споръ и доказалъ ему неправильность его ученія о святыхъ иконахъ.

Затѣмъ, также по порученію императора и патриарха, Кирилль отправился къ сарацинамъ, вызывавшимъ ученыхъ для разсужденій о христіанской вѣрѣ. Споры его съ сарацинами о Троичности Лиць и другихъ предметахъ христіанской религіи окончились полною побѣдою.

Послѣ путешествія къ сарацинамъ, Кирилль снова рѣшился искать уединенія и удалился на гору Олимпъ, гдѣ подвизался его братъ—Меѳодій. Но не для тихой, уединенной жизни предназначены были промысломъ св. братья. Ихъ знанія на столько извѣстны были всѣмъ, что они не могли остаться въ монастырской кельѣ. На иносѣ поприще призываетъ ихъ Богъ, иныя цѣли указываетъ имъ. Отъ Козаръ, жившихъ на югѣ теперешней Россіи, является посольство съ просьбою прислать къ нимъ людей, свѣдующихъ въ истинахъ христіанской вѣры. Выборъ императора и его совѣтниковъ опять таки палъ на св. Кирилла, который пригласилъ отправиться вмѣстѣ съ собою и брата—Меѳодія. Въ присутствіи самаго кагана (князя) казарскаго Кириллу пришлось вести споры съ іудеями, магометанами и сарацинами. Споръ окончился полною побѣдою Кирилла, послѣ чего каганъ, убѣжденный вполне въ истинности христіанской религіи, далъ позволеніе креститься всѣмъ желавшимъ и запретилъ переходить своимъ подданнымъ—христіанамъ въ иную вѣру, угрожая смертною казнью. Больше года оставались у Козаръ св. братья, они учили и крестили народъ (крестилось тогда до 200 душъ). Наконецъ св. братья стали собираться въ путь. Призвавъ ихъ, каганъ сказалъ: „просите у меня, чего хотите, я для васъ ничего не пожалю“.

Но они не захотѣли ничего, а только испросили свободу тѣмъ греческимъ плѣнникамъ, которые находились у Козарь. Отпуская братьевъ, каганъ писалъ императору: „*Благодарствуемъ вамъ, что вы къ намъ прислали такихъ умныхъ и святыхъ людей. Прежде мы ошутю ходили, какъ слѣпые, а теперь видимъ свѣтъ, потому что поняли настоящую вѣру*“. Съ Кирилломъ и Меѳодіемъ были отпущены также 20 греческихъ плѣнниковъ. Народъ козарскій съ великою печалю проводилъ святителей: очень полюбилъ онъ ихъ за простоту обращенія, за ихъ добрыя нравственныя качества... Возвратившись въ Константинополь, Кириллъ жилъ при церкви св. апостоловъ, а Меѳодій, отказавшись отъ предложеннаго ему епископскаго сана, былъ сдѣланъ игуменомъ Полихроніева монастыря. Недолго пришлось св. братьямъ отдыхать отъ своихъ трудовъ, имъ предстояли новые, тяжелые подвиги...

Въ Моравіи въ то время былъ княземъ Ростиславъ, который успѣшно велъ постоянную борьбу съ нѣмцами и защищалъ отъ нихъ славянъ; для послѣднихъ онъ былъ какъ бы роднымъ отцомъ, надеждой и обороной. Въ юномъ славяно-моравскомъ княжествѣ не было своей грамоты, не было своего народнаго образованія, своихъ свѣдущихъ, ученыхъ людей: все это имъ приходилось заимствовать отъ нѣмцевъ — латиняпъ; а въ эту-то пору римская церковь теряла уже свою первобытную чистоту, внутренняя ея связь съ вселенскою церковію рушилась; нѣкоторые изъ коренныхъ догматовъ въ ней уже были извращены (какъ напр. объ исхожденіи св. духа и отъ Сына), ученіе, чисто человѣческое, возводилось на степень божественнаго (какъ напр. о главенствѣ папы въ христіанской церкви). Слово Божіе славянамъ латинскими миссіонерами преподавалось на латинскомъ языкѣ, на томъ же языкѣ для нихъ совершалось и

богослуженіе; но латинскій языкъ былъ для нихъ непонятенъ. Добрыхъ примѣровъ въ своихъ учителяхъ славяне мало видѣли. Этихъ проповѣдниковъ вѣры болѣе занимали мірскія цѣли и свои личныя выгоды, чѣмъ спасеніе душъ. Изъ за этихъ выгодъ латинскіе миссіонеры нерѣдко враждовали между собою; изъ за нихъ заставляли ссориться князей съ князьями, народъ съ народомъ, ради ихъ они нерѣдко въ жизни новообращенныхъ христіанъ одобряли то, чего и честный язычникъ не могъ бы одобрить. Латинскіе миссіонеры сверхъ того, чрезъ сообщеніе славянамъ своей вѣры, хотѣли закрѣпить нагъ ними власть папы и западныхъ князей. Нѣмецкіе князья и бискупы обыкновенно говорили: *„кто передастъ вѣру какой либо землѣ, или народу, тотъ имѣетъ право владѣть тою землею, тѣмъ народомъ“*. Для славянъ же, дорожившихъ свободою совѣсти и гражданскою независимостію, такой порядокъ вещей сдѣлался наконецъ невыносимымъ; между ними родилось желаніе свергнуть съ себя оковы двойнаго гнета, гражданского и церковнаго, угрожавшаго имъ еще большимъ зломъ въ будущемъ. И чего такіе учителя вѣры не патворили бы съ западными славянами, если бы въ это роковое для нихъ время не явились на помощь св. Кирилль и Меѳодій ¹⁾. Думая предпринять большой походъ противъ нѣмцевъ, Ростиславъ смущался тѣмъ, что у него нѣтъ добрыхъ пастырей, что враги его народа—нѣмцы даютъ славянамъ св. таинства. Самъ онъ былъ весьма ревностнымъ христіаниномъ. И вотъ Ростиславъ сталъ совѣтываться съ другими славянскими князьями, откуда призвать священниковъ: изъ Рима или Царьграда. И сказали ему князья: *„Римскій папа съ нѣмцами близокъ, нѣмецкіе священники имъ же поставлены, онъ ихъ и дастъ въ Моравію, а въ Царьградъ нѣтъ пристра-*

¹⁾ Св. равноапост. просв. славянъ Кирилль и Меѳодій. Воронежъ, 1882 г.

стія, да и славянъ тамъ больше знаютъ, кругомъ Царьграда есть славянскія селенія. Можетъ быть, у Грековъ найдутся такіе священники, что умѣютъ говорить по славянски“. Когда народъ моравскій былъ собранъ на вѣче и ему былъ предложенъ тотъ же вопросъ, всѣ сказали: „нѣтъ намъ блага отъ нѣмцевъ и ихъ друзей“.

Въ 862 году прибыли моравскіе послы въ Константинополь съ просьбою къ императору—дать имъ учителей, которые бы сообщили имъ истины христіанской религіи на родномъ языкѣ. Въ Константинополѣ немедленно составился соборъ, на который были приглашены и св. Кириллъ и Меѳодій. Императоръ, обратившись къ Кириллу, сказалъ ему: „знаю, философъ, что ты слабъ, но нельзя тебѣ не пойти къ славянамъ, кромѣ тебя никто не можетъ выполнить просьбы“. Кириллъ при этомъ спросилъ императора, имѣютъ ли славяне свою азбуку? Императоръ сказалъ, что у славянъ нѣтъ своей азбуки. Тогда св. Кириллъ замѣтилъ: „развѣ можетъ кто писать бесѣду на водѣ или желать прослыть еретикомъ? Учить безъ помощи письменнаго языка то же, что писать бесѣду на водѣ“. Св. братья понимали, что просвѣщеніе славянъ возможно тогда только, если Слово Божіе будетъ сообщено имъ на родномъ для нихъ языкѣ. Понимали св. братья, что чужой языкъ, чужая грамота не можетъ вполнѣ передать смысла родной рѣчи, и чужой языкъ, какъ бы онъ ни былъ понятенъ, никогда не будетъ такъ близокъ сердцу человѣка, какъ языкъ родной. Кромѣ того св. Кириллъ предвидѣлъ и тѣ опасности, какія угрожали имъ отъ латинскихъ проповѣдниковъ, которые начнутъ клеветать на ихъ ученіе и на нихъ самихъ. Ему казалось необходимымъ заключить проповѣдь въ письменна. По совѣтывались св. братья между собою и рѣшились составить славянскую азбуку, буквы которой были частію взяты изъ гре-

ческаго алфавита, дополнены и приспособлены къ звукамъ славянской рѣчи, въ которой, сравнительно съ греческой рѣчью, были нѣкоторые звуки *новые*. Еще раньше, во время своего путешествія въ Козарію, св. братья ознакомились съ славянскою рѣчью. Послѣ изобрѣтенія азбуки, св. братья предприняли переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ. Первые слова, переведенныя ими, были начальныя слова евангелія отъ Іоанна: „*Въ началѣ было Слово*“....

Этотъ переводъ былъ для славянъ какъ бы призваніемъ къ новой жизни, днемъ духовнаго просвѣщенія. Съ этого времени для нихъ началась новая, лучшая жизнь....

(Окончаніе слѣдуетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Слухи о новыхъ епископскихъ сѣздахъ. „Новости“ пишутъ, что высшее духовное начальство признало весьма полезнымъ устраивать періодически сѣзды епархіальныхъ архіереевъ для обсужденія разныхъ церковныхъ вопросовъ. Такихъ сѣздовъ было уже два: въ Кіевѣ и Петербургѣ; на первомъ изъ нихъ обсуждался вопросъ о сектѣ штундѣ, значительно усилившейся на югѣ Россіи, а на послѣднемъ—о церковно приходскихъ школахъ и о возстановленіи церковныхъ приходовъ. Теперь на очереди стоитъ новый сѣздъ архіереевъ, который и имѣеть состояться въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ г. Казани. Здѣсь соберутся представители тѣхъ восточныхъ губерній, въ которыхъ сильно развито магометанство, а также и расколь, а именно, Казанской, Уфимской, Симбирской, Оренбургской, Астраханской, Нижегородской, Саратовской и Пермской. Какъ извѣстно, часть татарскаго населенія въ восточныхъ губерніяхъ, хотя и приняла христіанство, но усвоила его весьма слабо и потому легко можетъ вновь перейти въ исламъ, чему уже и были примѣры. Для крещенныхъ татаръ, не знающихъ ни русскаго, ни церковно-славянскаго языковъ, совершенно

